

Замечательный прозаик из Питера Валерий ПОПОВ последнее время зачастил в Москву с большим саквояжем — то за экземплярами журнала (в «Новом мире» вышла повесть «Ужас победы»), то за книгами (избранное «Чернильный ангел» только что выпустил «Центрополиграф»).

— Какую весть несет читателю твоя последняя повесть «Ужас победы», недавно вышедшая в «Новом мире»?

— Вначале эта повесть называлась «Буква». Она о том, что если писателю дана буква, то больше ему ничего и не надо: он всюду победит. Где бы ни работал... В столовой мой герой сочиняет названия блюд. Салат «Закат»! Словами он поэтизирует и разукрашивает жизнь. А потом вышла «Буква А» Маканина, я переназвал свою повесть в «Ужас победы», и теперь она о том, как много теряешь при победе. Дружба, демократия, благородство — все эти вещи начинают использоваться как кувалда. Бывает, в кувалду превращается даже Бог. Повесть начинается с момента крещения героя. Он крестится и смотрит, что с этого можно получить. Пытается «отработать свое крещение». И понимает, что спастись можно только буквой.

— Ты закончил Электротехнический институт. Как удалось выйти из инженерного кокона и стать писателем?

— Я вышел все-таки из кокона литературного. ЛЭТИ и с литературной точки зрения был вуз блистательный, знаменитый капустником «Весна в ЛЭТИ». Блеск остроумия и свободы, баскетболисты, красавцы. Когда я впервые увидел Париж, я вспомнил именно ЛЭТИ. У нас не принято было говорить просто, надо было острить. После института я три года служил в НИИ. Как-то я сидел в лаборатории и читал детектив под столом. Там была фраза: «Раздался выстрел — Сергеев взмахнул руками и упал замертво. Андреев насторожился...» Этот глагол меня потряс — друга убили, а герой всего лишь насторожился. И я написал рассказ «Случай на молочном заводе», когда шпиона ловят в твороге, этот творог съедают, а потом он убеждает в масле — и приходит есть масло. Рассказ выплеснулся — и я определился.

— Считаешь ли ты себя чьим-нибудь учеником?

— В России, что чудесно, не бывает учеников. Настоящий писатель не будет ничьим учеником. Ему на это плевать. У Пушкина нет учеников. У Гоголя нет учеников. Есть подражатели... И есть, конечно, молодые собутыльники.

Я оказался (и это необыкновенное счастье) в ленинградской литературной «компании». В квартире Жени Рейна, который громкогласно читал поэмы и бро-

Сергеев упал замертво. Андреев насторожился...

Валерий Попов — 2001. — 22-28 марта. — с. 10
Валерий Попов уверен, что люди живут словом

сал листы на пол. Я поначалу кидался их поднимать... Красавец Найман, Бродский, который специально всюду опаздывал: уже тогда лепил свой имидж. Первой фигурой был, конечно, Битов. Он тогда уже был очень весок. Я довольно быстро научился мерить себя и всех. К нам, послевоенным мальчикам, жизнь была благосклонна — все кабаки были наши. Даже любовь официантов имела место...

— А о литературе-то говорили?
— Читали друг друга. А кого еще было читать? Ленинградская литературная школа была нищая, но гордая. Бродский задал невероятное высокомерие в общении с «быдлом»!

Я ощутил вольготную, блистательную жизнь писателей. Было с кого «делать жизнь», кем любоваться. Василий Аксенов, например, действовал на меня просто гипнотически. Это теперь в ходу эстетика безобразного, а тогда был порыв к элегантности и к обаянию. Но, как написано в мемуарах Чаплина, «гении, как планеты, не должны и не могут двигаться рядом». Зачем? Например, у того свой ритм пьянства, а мне надо напиться быстрее. Или наоборот. У каждого свой путь.

— Алкоголь и творчество — вообще интересная тема, которую нельзя, видимо, закрыть одной моралью: дескать, алкоголь — грех и вред. Ты в алкоголе, кажется, видишь позитивное начало для художника?

— Это было наше знамя боевое! В «Астории», в «Европейской» рождались легенды. Помню свой первый гонорар. Я снял отдельный кабинет, пригласил пятерых манекенщиц. Был Битов, был Миша Петров, гениальный физик. Потом Битов стал бить витрину и разбрасывать алмазы в валютном магазине... Нас скрутили, отвели в отделение, но очарованные манекенщицами милиционеры нас отпустили. Мы вернулись, и оркестранты сыграли «Когда святые маршируют...» Алкоголь был нашей «горючкой». Но через этот Рубикон почти все уже перешли и «обсохли».

— К какому литературному направлению ты себя причисляешь?

— Ни к какому. Для простоты скажу так: «Блеск литературы — это гротеск». «Дон Кихота» толком никто не помнит, но мы помним, что там есть чрезвычайно длинный герой и чрезвычайно короткий Санчо Панса. Создать гротеск — значит войти в вечность. Гротеск — самое легкое разрешение ужаса. Я и начинал как любитель гротеска. Но довольно скоро почувствовал нехватку плоти и мяса. Однажды, еще в разгар коммунальщины, я, инженер, испытывающий какую-то акустическую аппаратуру, путешествовал на корабле от Одессы до Батуми в потрясающем комфорте. Бары, женщины, ослепительные грузины-оркестранты. Этот «проплыв» был для

меня важной вехой — я полюбил плоть. Чувственность мира — это главное открытие, главная радость.

— Однако в прозе XX века есть тенденция, от Мамлеева до Сорокина, базирующаяся на отвращении к плоти. Как ты к ней относишься?

— У меня есть. У меня есть повесть, где герой мочится — и сразу вырастают цветы. От настроения зависит — какие цветы... А торговцы эти цветы рвут и перепродают. Из писателей той тенденции, которую ты обозначила, я с удовольствием читаю только Пелевина. При всем как бы отрицании жизни — блеск слога и ума. Он жизнь отрицает, но побеждает.

— А из писателей-современников ты кому-нибудь завидуешь в хорошем смысле?

— Я вижу многих писателей, которым дано то, что мне не дано. Завидую Макаину: он поймал тип малокультурного человека, этакого скобара. Гения любой изобразит, а вот изобразить «среднего человека», естественного, глуповатого, мутящего всю нашу жизнь (вся российская муть — от этих людей), трудно. Еще я завидую Петрушевской — откуда у нее такой слой ужаса и мрака? Я спрашивал, она говорит: вообще-то у меня жизнь благополучная. Тогда откуда эта плоть, этот «живот», которого мне так не хватает? А вообще я завидую литературным «вороши-

ловским стрелкам», которые — ба-бах, и в десятку. Я сам попадаю, может быть, только в восьмерку. А как хорошо попасть в невидимую мишень. Завидую людям, которые себя блистательно подают в мировом масштабе. Но... Ни с кем не поменялся бы. Потому что вижу не только выигрыши, но и проигрыши. Талант занимает немного места: все остальное — ахиллесова пята.

— А чему бы ты сам мог научить подрастающих?

— Нельзя соваться в прозу без «чудовищного». Если слишком гладко причесан — не лезь. Будешь чересчур взерошен — не бойся: остригут. А если уже причесан — станешь лысым через год. И вообще большинство ходячих постулатов в литературе (вроде «идейности») ложны и вредны. Что жизнь ужасна, что конец света близится, что пессимизм побеждает, что все сволочи — чушь. Люди прелестны — и сколько прелести вокруг! Недавно я ехал в метро и вошли два совершенно пьяных человека, упали на сиденье и заснули, полуобняв друг друга, но у одного рука была поднята. И при этом в ней был не нож, не бутылка, а знаешь что? Перо. Ручка! А у другого, который совсем сполз, в руках было — знаешь что? Журнал с кроссвордом. Вот это и надо «ловить». А то приходит мальчиш, аккуратенький, видно, что хорошо устроился в компьютерной фирме, и начинает: «Утро. Евдоким нашел грязный носок. За окном лепила мокруха...»

— Откуда это?

— Мода. Крупным, дескать, может быть только трагическое. Мажор постыден. А для меня не сделать в рассказе радость через ужас — невозможно. Юмор должен быть тяжелый, нагруженный. Мой любимый пример из жизни — похороны мачехи. Все собрались в ее институте и говорят: «А теперь минута молчания». И вдруг — буль-буль-буль. Кто-то в паузе уже подливает в рюмочку. И у меня — восторг в душе, ведь это — момент облегчения катастрофы. На краю бездны бытие делает нам подарки.

— Твой литературный прогноз на следующий миллиум?

— Люди чрезвычайно увлечены словом и им живут. Они строчками живут. И никогда это не кончится. Люди (даже в анекдотах и сплетнях) не становятся с тысячами лет ни глупее, ни бездарнее. Все дело в писателях... Не поглупели бы они. А читатели у нас гениальные. Они могут и детективками читать, и политическую гадость, но если ты их разберишь словом — они сразу почуют. Сумеет ли? Вот вопрос.

Татьяна БЕК

22-28.03.2001г
Попов Валерий